

АЛЕКСА ГРАНД

С **КОНТРАКТ**
НА ГОРДОСТЬ

За минуту до счастья

Алекса Гранд

Контракт на гордость

«Автор»

2024

Гранд А.

Контракт на гордость / А. Гранд — «Автор», 2024 — (За минуту до счастья)

Лиза Истомина сожгла все мосты, обрезала челку и даже сменила город. Чтобы ничего не слышать и не знать о Саше Волкове. Но у судьбы на Лизу другие планы. И в день помолвки ей на стол положили контракт... Подписанный тем, кто был в ее сердце полжизни. И кто все ещё остаётся там.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алекса Гранд

Контракт на гордость

Пролог

Лиза

*Аннушка уже купила подсолнечное масло,
и не только купила, но даже разлила.
Так что заседание не состоится.*

(с) «Мастер и Маргарита», Михаил Булгаков.

– Ариш, а ты девочек предупредила, что шеф сегодня без настроения? Зве-е-ерствует, – невинно тяну я, откидываясь на спинку высокого неудобного кресла, которое должны были заменить еще две недели назад.

Но то ли наши снабженцы накосячили, то ли служба доставки отправила необходимый моей многострадальной спине предмет мебели по другому адресу. Способствуя моему прескверному расположению духа и провоцируя искреннее желание порвать кого-нибудь на британский флаг.

Благо список подходящих кандидатов весьма и весьма внушителен. Начиная от проштрафившихся подчиненных, чьи грехи я прилежно заношу в тетрадь смерти – распухший от частоты использования блокнот. И заканчивая собственным женихом, решившим отпраздновать помолвку в разгар накрывших меня дедлайнов и авралов. Когда я не то что отмечать, я видеть никого не хочу, отчаянно мечтая зарыться лицом в подушку и проспять пару дней кряду.

– Предупредила, – замершая у моего стола помощница утвердительно качает головой и усердно прячет улыбку, сосредоточенно теребя подол строгого темно-синего платья с отложным воротником.

– Одну клиентку плохо постригли, – я картинно загибаю пальцы, попутно рассматривая свои короткие ногти с идеальным французским маникюром: – второй перепутали цвет лака, третью не записали на спа-процедуры. А четвертой принесли остывший кофе, – выдержав замогильную паузу, я демонстрирую оскал голодного нильского крокодила и с тяжелым вздохом интересуюсь: – я все понимаю, но кофе какого хрена, а?

– Так, пятница тринадцатое, Елизавета Андреевна, – виновато разводит руками Риша, ковыряя носком светло-бежевой балетки мой любимый ковер, и опускает глаза вниз, как будто на полу лежит инструкция «Как задобрить разбушевавшееся руководство». – Примета работает.

– Да чтоб вам Волочкова на коньках приснилась, – я устало роняю голову на ладони и продолжаю бурчать уже оттуда: – у меня рейс в Краснодар через две недели, как я вас одних, млин, оставлю?

– Справимся, Елизавета Андреевна, – бодро рапортует помощница, и я понимаю, что этой девчонки, выступающей в роли ежедневника, энциклопедии и справочника редчайших ядов одновременно, мне будет не хватать. Арина перекидывает длинную тугую косу через плечо и, ошибочно полагая, что я ничего не слышу, добавляет: – с божьей помощью.

– Аринка, вы меня так в гроб загоните, – я тру лоб, пытаюсь побороть подступающую мигрень, и вполголоса озвучиваю ценные указания: – тащи двойной эспрессо, минералку и

договор со строителями. Срок – пять минут. В противном случае можешь ставить Кононенко и Будиной свечки за упокой, если я в таком настроении выйду из кабинета.

Риша без слов исчезает, а я думаю, что неплохо бы выписать ей премию. За умение исполнять требуемое с первого раза и за весьма полезную способность слиться с окружающей обстановкой, когда это необходимо. В общем, пока я обмозговываю осенившую меня идею, Арина возвращается с чашкой крепкого горячего кофе, дурманящего обоняние. И с контрактом, просмотр которого я откладываю почти месяц, отвлекаясь на более срочные дела, вроде срыва поставок и ареста счетов.

Я делаю глоток горьковатой жидкости, обжигаящей язык, торопливо пробегаюсь глазами по первым строчкам, да так и зависаю на фамилии директора фирмы, с которой мне предстоит сотрудничать в ближайшем будущем. Я судорожно хватаю бутылку с водой и пытаюсь потушить разгорающийся внутри пожар. Сердце бухает в горле, буквы сливаются в черно-белое пятно.

– Совпадение? – я открываю первую попавшуюся вкладку и добрых пять минут пялюсь на фотографию повзрослевшего Сашки Волкова, когда-то бывшего для меня всем. – Твою мать!

Я полирую экран немигающим взглядом и падаю в бездну похороненных воспоминаний. Сложенных за ненадобностью в дальний сундук и припорошенных пылью, чтобы не было так больно. Я выпадаю из реальности, царапая ногтем издающее премерзкий скрип стекло, и прихожу в себя только тогда, когда Арина дотрагивается до моего запястья.

– Шеф, – я медленно поднимаю голову и начинаю истерически хохотать под аккомпанемент встревоженного Ришиного. – Вы опаздываете!

– Куда? – выдаю заторможено и запоздало думаю, что если бы давали премию за самый глупый вопрос, то я бы с огромным отрывом обошла всех конкурентов.

– На прием в честь вашей помолвки, – шепчет Риша, бледнея и закусывая подрагивающую нижнюю губу.

– Спасибо, солнце. Санитаров не надо, – я откладываю бумаги в сторону, подхожу к шкафу и ныряю в светло-бежевое пальто, подмигивая ошарашенной девушке.

– В таком виде? – и, если мою скромную и уравновешенную помощницу волнует, как снобы воспримут невесту Меньшова, заявившуюся в ресторан в простой белой рубашке, рваных шортах из вареной джинсы и ярко-розовых кедах. То мне на это глубоко наплевать.

– Да, – я киваю Аринке с отчаянной полубезумной улыбкой и несусь радовать мир своим присутствием. Неважно, готов он к этому или нет.

Глава 1

Лиза

*Пока выбор не сделан,
все на свете возможно.*

(с) к/ф «Господин Никто».

– Лиза, ты...? – Алик морщится, пренебрежительно поджимая тонкие губы, и торопливо озирается по сторонам в поисках приглашенных на прием журналистов.

– Заработалась, прости, – ничего банальнее придумать было нельзя, но я на самом деле не испытываю и тени раскаяния. В последнюю очередь я волнуюсь о том, что рядом с невысоким худощавым брюнетом, облаченным в дорогущий светло-серый костюм от «Армани», выгляжу попрошайкой с улицы.

– Лиза-а-а, – мужчина выдыхает как-то совсем обреченно, в который раз убеждаясь, что перевоспитывать меня – напрасный труд. Такой же, как и взывать к безвозвратно почившей совести. Не обременяющей лишними угрызениями свою хозяйку.

– Не переживай, Меньшов, твоя репутация не пострадает, – поправив почти идеально завязанный Аликом узел темного-синего галстука, я выхватываю из его рук фужер с шампанским и делаю три больших глотка, ощущая, как пузырьки щекочут нос. Облизываю губы, впопыхах тронутые вызывающей ярко-красной помадой, и бросаю еле слышно: – эпатаж сейчас в моде. Завтра пол-Москвы будет ходить в таких же драных шортах, как у меня. Спорим на твой месячный гонорар?

– Ты слишком самоуверенна, Лиза, – Алик притягивает меня за плечо, ослепительно улыбаясь на камеру, и заставляет вспомнить, почему я согласилась на его предложение.

К двадцати восьми годам я давно перестала мечтать о романтической свадьбе и внеземной любви, решив, что успешный продюсер и расчетливый бизнесмен не самый плохой выбор. Тем более, если этот продюсер постоянно находится либо на съемочной площадке, либо на переговорах, либо в командировках. И приезжает на свидание раз или два в месяц с неизменным букетом алых роз, не сильно надоедая своим вниманием.

Еще одним плюсом в его копилку стало полное отсутствие контроля. Единственное, о чем попросил Меньшов – никаких компрометирующих фотографий в сети. Не слишком большая плата за свободу и спокойное существование, надо сказать.

– С каких пор тебя это перестало устраивать? – смотрю в его блеклые голубые глаза и думаю, неужели прозрел и сообразил, что мое спокойствие всего лишь одна из сторон безразличия.

– С тех пор, как ты собралась в Краснодар, – впервые в голосе Алика мне чудится нотка недовольства, и я стараюсь внимательно изучить маску невозмутимости, застывшую на холерном лице. Но Меньшов разворачивает меня обратно к фотографу и негромко бормочет, утыкаясь носом в макушку: – и зачем тебе эта провинция?

– Там тепло, – отвечаю я, мягко, мечтательно улыбаясь, и говорю вовсе не о месте, а о людях и воспоминаниях, что остались в солнечном южном городе.

– Господи, Лиза, если это единственная причина, то я завтра же закажу путевку на Мальдивы, – мне сложно винить Меньшова в непоколебимой вере в то, что все в этом мире решают деньги ну и немного – связи, только вот сдавать билеты я планирую. Особенно когда возвращаюсь мыслями к контракту, который благополучно ожидает моей подписи в офисе.

– Алик, мне кажется, мы все уже обсудили, – я выдавливаю сквозь зубы, радуясь приближающейся к нам журналистке. Хорошенькой брюнетке в элегантном брючном костюме, судя по хищному выражению лица, спешащей засыпать звезду вопросами.

– Извините за беспокойство, можно на два слова? – два слова успешно превращаются в две тысячи двадцать два: акулу пера интересует все, начиная от деталей нашего знакомства, заканчивая цветовой гаммой, в которой будет проходить свадьба.

И если Меньшов оседлал любимого конька, отвечая многословно и вдохновенно, то я с трудом прячу зевок в кулаке, понимая, что устала от приема, пробыв на нем жалкие пятнадцать минут. Так же ясно я понимаю, что спустя полчаса сошлюсь на невыносимую мигрень и оставлю жениха отдуваться перед гостями за двоих.

– Я пока поздороваюсь с отцом, – очень кстати в толпе появляется спасительный силуэт, и я бросаюсь к родителю, оставляя небрежный поцелуй у Алика на виске и не замечая, как неодобрительно смотрит на меня молоденькая журналистка.

Минуя вереницу шапочных знакомых и невольно ускоряя бег, я все-таки добираюсь до папы, остановившегося рядом со столиком с закусками и подозрительно изучающего разнообразие «морских гадов», как он называет мидии, креветки и прочие морепродукты. В очередной раз потоптавшись своими ярко-розовыми кедами по правилам приличия, я висну у него на шее и прижимаюсь щекой к гладко выбритой коже. Вдыхаю терпкий запах сандала и обретаю почти буддийское спокойствие.

– Привет, па, – я обвиваю его руками за талию и громко смеюсь, нахально игнорируя злобное «И что только Меньшов в ней нашел?!».

– Привет, дочь, – отец делает шаг назад и наступает на бежевую лакированную туфлю, отчего осуждающая меня девица затыкается и обиженно взвизгивает. Таким способом избавившись от ненужных ушей, папа указывает на Алика и спрашивает: – не передумала?

– Помолвка – это ведь еще не свадьба, – рассеянно произношу я, лишней раз радуясь, что до церемонии бракосочетания целый год, за который может случиться и потоп, и землетрясение, и конец света. После чего актуальность союза хоть с Меньшовым, хоть с кем-либо в принципе отпадет.

– Тоже верно, – не выпуская меня из объятий, родитель нацеливается на безопасный, с его точки зрения, бутерброд с ветчиной и сыром, мимоходом делясь: – а я почему-то всегда был уверен, что ты выйдешь замуж за Сашку...

Бесхитростный в своей прямоте, папа заставляет меня закашляться, из-за чего уборщицам прибавляется работа. Потому что бокал с шампанским я не удерживаю, так же, как и демонстрируемое ранее равнодушие. Слишком много сегодня напоминает о Волкове: и злосчастливый договор, от которого до сих пор немеют пальцы, и бодрый голос радиоведущего, сообщивший, что в Краснодаре откроют какой-то новомодный парк, по всем стандартам не уступающий европейским. И, наконец, собственный горячо любимый родитель, буравящий меня пристальным взглядом.

– Скучаешь по нему, да? – продолжает допытываться отец, пока я пристегиваю ремень безопасности и смотрю на Алика сквозь боковое стекло черного джипа. Четко осознавая, что Меньшов не проводит меня на рейс в аэропорт. Потому что это «бессмысленная трата времени» и «ну проще же взять такси».

– Скучаю, – произношу беззвучно, впиваясь короткими ногтями в кожаную обшивку сидения, и стараюсь не рассуждать, отчего так сильно жжет в груди.

Глава 2

Лиза

*Возвращение домой – забавная штука:
знакомые картины, звуки, запахи...
единственное, что изменилось –
ты сам.*

(с) Загадочная история Бенджамина Баттона.

Краснодар встречает меня безоблачным небом, вежливой стюардессой с чудовищными синяками под глазами и статным пилотом с другого рейса. Который представляется Олегом и предлагает скрасить время до следующего вылета за чашкой кофе. Он настойчиво просит номер телефона «очаровательной москвички» и обещает вернуться через три дня.

Я отрицательно машу головой и выскакиваю на улицу, ища прибывшее за мной такси. Перекидываю через плечо небольшую спортивную сумку с минимумом необходимых вещей и с наслаждением подставляю лицо порыву теплого ветра. Несмотря на конец октября, погода стоит замечательная, и застегнутую до подбородка куртку даже приходится расстегнуть.

Спустя, кажется, вечность я снова шагаю по узеньким улочкам города, в котором прошло мое детство. С щемящим чувством отпираю дверь принадлежавшей покойной бабушке квартиры и замираю на пороге, рассматривая до боли знакомые очертания предметов. Ненароком смахиваю пыль с крышки старого, наверняка расстроенного пианино, чудом уместившегося в небольшой однушке. Открываю настежь окно и впускаю свежий воздух взамен затхлого.

Я утопаю в удобном поскрипывающем кресле и до двух ночи перечитываю сухие юридические формулировки практически заученного наизусть контракта, проклиная эти правоведческие конструкции. Потому что содержание обычно понятных фраз утекает, глаза то и дело останавливаются на одной строчке, а мозг отказывается воспринимать что-либо, кроме «в лице исполнительного директора Волкова Александра Владимировича».

Волков. Сашка. Мужчина, от притяжения к которому я бежала семь лет назад, растеряв по пути гордость и самообладание. Кричала, что ноги моей больше здесь не будет, и все-таки вернулась на малую родину. Потому что в столице внезапно стало трудно дышать, огромные расстояния надоели, а люди, спешащие на работу с потухшими взглядами, так и вовсе начали удручать.

В то время, как тепло и вечное солнце провинциального Краснодара манили с непреодолимой силой. А уж близость моря сметала оставшиеся несчастные «против». И даже с совестью удалось заключить сделку, убеждая ее, что Сашкой я давно переболела и избавилась от пагубной зависимости в нем.

Я отрубаюсь прямо в кресле, не добредя до кровати, и просыпаюсь поутру в весьма и весьма неудобной позе. Спина стоит колом, и я с кряхтением потягиваюсь, разминая адски затекшие суставы. Я собираю разлетевшиеся по полу листы, а потом сонно топаю в ванную, долго изучая отражение в зеркале. К моему удивлению, оно кажется достаточно бодрым и веселым, как будто не было ни перелета, ни одолевавших меня вчера воспоминаний.

Я пробегаюсь щеткой по волосам и, закончив с легким макияжем, спускаюсь в любимую кофейню на первом этаже дома. К моей радости, за исключением персонала, в ней ничего не изменилось. Круассаны с творожным сыром такие же нежные и пушистые, капучино по-прежнему с высокой пенистой шапкой, а за полтинник можно выбрать любую песню в музыкальном аппарате.

Я расправляюсь с сытным завтраком и отправляюсь покорять царство стекла и бетона. Гадая, как обустроен офис преуспевающей строительной компании. И как на мое появление отреагирует его хозяин, учитывая, что в приемной мне вовсе не рады. С раздражением, написанным крупными буквами на лбу, секретарь отрывается от невероятно важного обсуждения, какого оттенка платье стоит взять на корпоратив, и невыносимо долго сверяет записи, пока я с трудом подавляю порыв отчитать девушку за некомпетентность. От цунами в моем исполнении ее отделяет ровно одна секунда, за которую она успевает указать на дверь и пояснить, где именно расположен кабинет директора.

С каждым шагом по глушащему звуку ковра я теряю решимость и все больше нервничаю, закусывая до крови нижнюю губу. В итоге я застываю перед бронзовой табличкой с черными буквами, осознав, что ни внушительный опыт ведения переговоров, ни сотни заключенных сделок мне не помогут. Потому что за деревянной преградой сидит мой Сашка, о котором я не забывала ни на день.

Я зажмуриваюсь, с силой вцепившись в металлическую ручку двери, но так и не могу ее опустить. Я считаю до десяти, пытаюсь привести в норму сбившееся дыхание, чертыхаюсь и все-таки миную преграду. Приклеившись к месту, я натываюсь на широко распахнутые темно-карие глаза мужчины, с которым мы не виделись семь лет.

Сердце взволнованно пропускает удар, ладони потеют, а я впиваюсь в Волкова взглядом, оценивая, изучая, сравнивая. И делаю вывод, что расположившийся за дорогим письменным столом мужчина не сильно изменился за это время: лишь отчетливее стала видна складка посередине лба, когда он хмурится, да черные, будто смоль, волосы средней длины Саша теперь зачесывает немного набок.

– Лиза? – бархатная хрипотца его голоса окутывает привычным теплом, отчего мурашки маршируют строем вдоль позвоночника. Мне остается надеяться, что в простом костюме я не сильно проигрываю разодетым в пух и прах офисным служащим. Демонстрирующим глубокое декольте, чулки с модной полоской посередине и отточенные до идеала навыки хождения на высоченных неудобных каблуках.

– Александр, – я коротко киваю и поспешно оседаю в кресло, старательно скрывая, что ноги слушаются меня плохо, а колени, того и гляди, подогнутся.

– Ты...? – вопрос виснет в воздухе вместе с появлением в кабинете секретарши, чье любопытство взяло-таки верх над инстинктом самосохранения. Слегка нахмурившись, Волков выдает ледяным тоном, от которого скручивает даже мои внутренности: – Ольга, если подобное повторится, заявление об увольнении положишь сразу на стол.

– Но, Александр Владимирович, – судя по неравномерному румянцу, пробившемуся сквозь плотный слой тонального крема, девушка уже успела пожалеть об опрометчивом решении и сосредоточенно давит из себя извинения, которые Волкову что слону дробина.

– Митина, я предупредил, – Сашка резко подбрасывает руку вверх, обрывая тираду провинившейся подчиненной, и отдает распоряжение: – принеси Елизавете Андреевне воду без газа с лимоном.

Глава 3

Лиза

*Говорят, что женщины одеваются ради женщин,
что их вдохновляет дух соперничества. Это правда.
Но если бы на свете больше не осталось мужчин,
они перестали бы одеваться.*

(с) Коко Шанель.

– Не забыл? – дверь захлопывается с глухим стуком, ну а я машинально провожу ладонью по волосам, все еще привыкая к новой короткой стрижке.

– Ничего не забыл, Лиза, – медленно говорит Волков, отчего волнение снова жжет огнем грудь.

И я бы скорее предпочла слиться с окружающей обстановкой, чем исполнять роль музейного экспоната, но вряд ли сейчас это представляется возможным. Чужого внимания слишком много, оно забирается в легкие, въедается под кожу и мешает связно думать. Я незаметно сую правую руку в карман и стискиваю шелковую подкладку пиджака, борясь с тяжелым тягучим взглядом ставших медово-карими глаз.

Отчаянно надеясь, что Сашка не заметит охватившей меня дрожи, я выуживаю из сумки договор и проталкиваю его по гладкому дубовому столу. Листы скользят по ровной поверхности аккуратно к пальцам замолчавшего мужчины, ну а я судорожно сглатываю в ожидании его подписи. Еще полчаса назад я не отдавала себе отчета, насколько сильно хочу сотрудничать с Волковым, тратить часы на горячие споры и слушать его едкие комментарии и ценные советы.

– Ты не читал проект, да? – Саша пролистывает многочисленные страницы, как будто видит их впервые, а я планомерно поддаюсь панике, боясь услышать равнодушное «не заинтересован». Что вряд ли будет далеко от истины, учитывая, что его фирма достаточно известна в городе и не страдает от недостатка заказов.

– Зачем мне тогда юрист и два зама? – с легкой улыбкой спрашивает Волков, откладывая бумаги в сторону и этим только вскармливая мои растущие сомнения. Помолчав пару минут, он помечает что-то в пухлом планере и вальяжно откидывается на спинку кресла: – ну, рассказывай.

– Не знаю, не была, не привлекалась, – бодро рапортую я, продолжая терзать несчастную подкладку, и делаю вид, что ни капельки не нервничаю от того, что друг детства и моя первая любовь по совместительству впервые за длинных семь лет находится так близко.

– Надолго к нам? – Александр на пару секунд отвлекается на несуществующую царापину на идеальном столе, а потом снова сосредоточивает все внимание на мне, будя сдохших когда-то бабочек, зашедшихся в какой-то истерической пляске внизу живота. – Или исчезнешь через пару недель?

– Может быть, насовсем, – и нет, я вовсе не собираюсь провоцировать собеседника, но кротость характера и молчаливость никогда не относились к числу моих добродетелей. Нередко я страдала от собственного длинного языка, вот и сейчас приходится, заливаясь краской, пояснять: – Москва все же не мой город.

– Занятно. Стоило уезжать, чтобы это понять? – Сашка ухмыляется при виде моей закушенной губы и наполняет стакан водой, недвусмысленно намекая, что за время нашей разлуки Лиза Истомина так и не научилась держать лицо. По крайней мере, не перед ним. – Чем занималась в столице?

– Училась. Работала. Отец помог со стартовым капиталом, так что даже бизнес небольшой наладили, – вот так две тысячи пятьсот пятьдесят пять дней моего существования в белокаменной умещаются в несколько коротких отрывистых фраз. И отдаленно не намекающих, как сложно мне было там без Волкова и как часто я о нем вспоминала.

И я уже успеваю пожалеть, что не умею проваливаться сквозь пол и что за окном не припаркован ковер-самолет. Потому что воздух в кабинете сгущается и нещадно искрит, а пространство между нами готово вспыхнуть огнем от одного неосторожного слова.

Саша подается вперед, я же наоборот вжимаюсь в кресло, думая, что еще чуть-чуть и из-под моих пальцев послышится треск ткани. Возможно, еще минута, и мы наломаем таких дров, что придется разгребать не один месяц, но за секунду до точки невозврата раздастся звонкий стук в дверь, на который мы синхронно оборачиваемся.

В кабинет вихрем врывается эдакая «Мисс совершенство», претендующая то ли на титул «Мисс мира», то ли на звание подружки Волкова, если судить по манере ее поведения. Затянутая в облегающее белое платье блондинка на крейсерской скорости дефилирует мимо меня и, демонстрируя прекрасную осанку и отменную наглость, перегибается через стол, пытаюсь искупать Александра в тонне обаяния и неестественной голубизне линз. Платиновый цвет ее волос так же далек от натурального, как, впрочем, и сделанная грудь, и чересчур пухлые губы.

– Здравствуйте, Александр Владимирович, – кокетливо щебечет переборщившая с косметикой жертва инстаграма, а я едва сдерживаю смехок, наблюдая, как морщится Сашка, откатываясь от стола к стене.

– Здравствуй, Анжелика, – Волков кривится как от застарелой зубной боли и, вскинув бровь, интересуется: – ты же не хочешь сказать, что твой рабочий день только что начался?

– Нет, что вы, – юное дарование ослепительно улыбается, обнажая ровные отбеленные зубы, и томно произносит: – я в офисе с самого утра, проголодалась очень. Хотела позвать вас на обед.

И хоть Сашка и не подает никаких признаков симпатии к белокурой нимфе, ревность во мне расцветает буйным цветом. Просыпаются старые собственнические замашки в отношении друга детства, и возможное наличие у него молодой (а яркий макияж Анжелики может обмануть только издали, потому что вблизи ясно: девушке вряд ли больше двадцати лет) любовницы не радует.

– Мы с Елизаветой Андреевной заняты, – холодно бросает Волков и выразительно на меня зыркает, призывая подтвердить его слова. Подавив вздох облегчения, я согласно киваю и вальяжно закидываю ногу на ногу.

– И не скоро освободимся, – я зарабатываю еще пару очков в копилку ненависти к себе, все же не удержавшись и доверительным шепотом посоветовав блондинке: – не ждите нас, голодать вредно. Как, впрочем, и хмуриться. Морщинки преждевременно появятся.

– Все, Лица, иди, – Александр поднимает ладонь в предупреждающем жесте, отрубая возможные споры. Пигалица шумно сопит, кусая пухлые, капризно надутые губы. Ну а я испытываю неприкрытое удовлетворение от того, что Анжелику откровенно выпроваживают: – нам еще договор подписать надо, смету согласовать.

Через пару мгновений о присутствии Лици в кабинете не напоминает больше ничего, кроме тяжелого шлейфа сладких духов, от запаха которых тошнота волной подкатывает к горлу. Я запиваю неприятный аромат, осевший на небе, и укоризненно качаю головой.

– А раньше вкус у тебя был лучше, Александр Владимирович, – показательно загибая пальцы, перечисляю: – Гиалуронка, силикон, каша вместо мозгов... Зачем на должность-то ее взял?

– Типун тебе на язык, – Сашка делает квадратные глаза и, отмахнувшись от меня Сашка, обреченно бормочет: – Губернатор дочурку пристроил на практику. Два дня прошло, а я уже вешаюсь. Не знаю, как целый месяц ее тут терпеть.

– Ничего, привыкнешь, втянешься, а там и до ЗАГСа недалеко, тем более, если высокопоставленное руководство очень попросит.

– А ты что ли ревнуешь, Истомина? – зная меня как облупленную, Волков бьет точно в цель, за версту чувствуя мое предвзятое отношение и хитро так, удовлетворенно ухмыляется.

– Боже упаси, – стараясь звучать как можно более равнодушной, я небрежно поправляю растрепавшуюся челку, да так и замираю с прижатой к виску правой рукой. Потому что тепло в Сашиных глазах сменяется холодной отчужденностью, а бесстрастным голосом и вовсе можно заморозить десяток Антарктид.

– Замужем? – Александр нервно сглатывает и немигающим взглядом сверлит кольцо на моем безымянном пальце, пока я пару минут собираюсь с ответом.

– Помолвлена, – говорю рвано и снова прячу ладонь в карман. Тело лихорадит от озноба, а тонкая полоска металла словно раскалилась и выжигает на коже клеймо.

Глава 4

Саша

*– С какой скоростью я должен жить,
чтобы вновь встретиться с тобой?*

*(с) «Пять сантиметров в секунду»,
Такаки Тono.*

Неделя выдалась какая-то гадкая. Начиная от издавшей предсмертный хрип кофемашины, заканчивая многокилометровой пробкой, в конец которой я умудряюсь угодить. Сетую на перекрывших движение в час-пик дорожников, узкие улицы и таких же, как я, неудачников, спешащих на работу. И глупо мечтаю о выключенном телефоне и отпуске где-нибудь на берегу лазурного океана.

Не желая признавать реальность, в которой вместо прозрачной воды – горе-сотрудники, вместо палящего солнца – перманентно лажающие подрядчики, а вместо бодрящего «Куба Либре» – вечно горящие сроки. Потому что оставить компанию с громким названием «Мáксима» в разгар тендера не представляется возможным от слова «никак».

Я протяжно, длинно вздыхаю и, пытаясь заглушить тоску по несбыточному, врубаю радиоприемник. Бодро вещающий о том, что луна в тельце и козерогои сегодня столкнутся с прошлым, которое перевернет их жизнь вверх дном. Знатно поплевавшись, меняю станцию, но и там меня ждет облом. Калейдоскоп новостей об очередном повышении цен на бензин, отстранении российских спортсменов от крупных соревнований и прочая белиберда грозят окончательно испортить и без того не радужное настроение.

– Митина, не нарывайся, – войдя в приемную, я обнаруживаю привычную атмосферу, поражающую стабильностью – в отсутствие начальства секретарша способна делать одновременно тридцать три дела, ни одно из которых не относится к ее непосредственным обязанностям. Вздвогнув, застигнутая врасплох девушка оборачивается на звук моего голоса, смущается и начинает неловко суетиться, пытаясь захлопнуть глянцевого журнала и спрятать в тумбочку пузырек из-под лака для ногтей: – двойной эспрессо мне занеси.

Приняв покаянный вид, Ольга моментально выскакивает из-за стола и со скоростью кометы мчится за кружкой. Ну а я оставляю нравоучения про запас, не желая омрачить обещающий стать долгим и нудным день. Готовлюсь зарыться в бумажную волокиту, от которой сводит зубы, и ловлю себя на мысли, что соскучился по стройке и с радостью бы сейчас ругался с прорабом вместо того чтобы ждать инспектора на проверку. Но Макс, учредитель фирмы и мой хороший приятель по совместительству загнал меня в четыре стены, отрезав: «Пора взрослеть, Сашка, не солидно с твоим опытом по котлованам бегать».

– Войдите, – с тихим щелчком отворяется дверь, пока я сглатываю слюну и предвкушаю порцию ароматного, свежесваренного напитка. Только вместо запаха кофейных зерен я улавливаю до боли знакомые цитрусовые нотки и мгновенно выныриваю из горы бумаг, все еще не веря своим рецепторам.

Светло-бежевые балетки неслышно ступают по ковру, а я не могу оторвать взгляда от стройных, худых ног, затянутых в облегающие песочного цвета штаны и совершенно точно понимаю, что скоро мой мир полетит к чертям. Потому что на пороге кабинета стоит Истомина Елизавета Андреевна собственной неотразимой персоной.

– Лиза? – моя неожиданная посетительница цветет и пахнет и, кажется, практически не изменилась. Только отрезала челку и зачем-то обкорнала длинные роскошные каштановые волосы, превратив их в каре чуть выше плеч.

– Александр, – Истомина изящно опускается в кресло и безмятежно облизывает соблазнительные полные губы, на которых я залипаю, как пятнадцатилетний пацан. И пока я жадно рассматриваю каждую деталь полузабытого образа и выискиваю в жестах Елизаветы отголоски былой привязанности, она небрежно вытаскивает из сумочки договор, подталкивая листы ко мне.

Отрешенно моргнув, я возвращаюсь к действительности, вчитываясь в сухие строки контракта, и едва сдерживаю короткий истерический смешок. Находясь в непрекращающемся цейтноте, я беспечно пропустил информацию о заказчике проекта, поэтому сейчас вынужден пялиться на Лизу как баран на новые ворота. Прикидывая, как выстраивать наши отношения спустя семь лет после разлуки.

Все мое существо рвется к прямой, будто струна, брюнетке, настаивая на том, чтобы заключить ее в крепкие объятия. Все, лишь бы заполнить тянущую пустоту, образовавшуюся в груди после ее переезда. Только вот рассудок услужливо подсказывает, что девушка может совсем не обрадоваться такому проявлению чувств. Поэтому я усилием воли пригвождаю себя к креслу и откидываюсь на его спинку, наблюдая за тем, как бьется тонкая синяя жилка на шее у Елизаветы.

Выдержав короткую паузу, я бомбардирую ее вопросами, на которые Истомина что-то рублено отвечает. Правда, единственная фраза, каленым железом отпечатавшаяся на подкорке – «Может быть, насовсем». Эти лаконичные слова разрываются внутри атомной бомбой, заставляя позабыть обо всем вокруг и пренеприятно удивиться, что в здании находится еще кто-то, кроме нас двоих. Я едва не выставляю за дверь сначала проштрафившуюся Митину, намереваясь посоветовать бывшей однокласснице сходить в интересный пеший маршрут эротического характера. А потом и вовсе бешусь, с трудом переживая появление в офисе избалованной губернаторской дочки, непонятно на какой хрен вознамерившейся добиться моего расположения.

В конце концов, я все-таки избавляюсь от этого цунами и тонны ванили в одном флаконе, пробегаюсь глазами по записям в планере и уже почти собираюсь пригласить Елизавету куда-нибудь. Когда фраза обрывается, так и не начавшись, застывая липкими осколками на языке.

На безымянном пальце правой руки у Истоминой красуется кольцо с массивным бриллиантом посередине – вычурное такое, абсолютно безвкусное. Но важна вовсе не стоимость этой чертовой драгоценности, а то, что к подобной новости я совсем не готов. Я отказываюсь осознавать, что Лиза принадлежит другому мужчине, тру виски и все-таки выталкиваю веющее обреченностью.

– Замужем? – секундная пауза придавливает, будто бетонной плитой, мешает дышать полной грудью.

– Помолвлена, – глухо выдыхает Лиза и прикрывает подрагивающие веки, а я не замечаю, как ломаю пальцами карандаш.

Охватившее меня напряжение отступает, по новой закачивая в легкие воздух, и я отворачиваюсь к окну. Только вот перед глазами стоит совсем не привычный пейзаж.

Глава 5

Саша, 7 лет назад

*Пока ты молод, ты должен попробовать все,
совершить кучу глупостей, которые
впоследствии станут для тебя уроками жизни.
Пока ты молод, ты должен выпустить из себя
свои бесы, ведь потом у тебя появится семья, дети.
Пока ты молод, ты должен вытрясти из себя
всю свою дурость при помощи вечеринок, алкоголя,
и безбашенных поступков, чтобы в зрелости быть
более спокойным, мудрым и подавать
своим детям хороший пример.*

(с) «50 дней до моего самоубийства», Стейс Крамер.

В переполненном баре шумно, тесно и весело. И я уже даже успел пожалеть, что согласился прийти на встречу выпускников в ирландский паб с красными стенами, трилистниками и одетыми в белые блузки и короткие расклешенные юбки официантками. Желание что напиваться, что откровенничать с однокашниками отсутствует, поэтому я медленно цежу вишневый сок, забившись в дальний угол и стараясь не отвечивать.

– Сань, а где Глеб? – вездесущая Олечка достает меня и здесь, приковывая внимание собравшихся к моей скромной персоне и усаживаясь рядом на свободный стул. Ее щеки разругались, волосы растрепались, а глаза сияют пьяным голодным блеском, который я распознаю за версту и на всякий случай просчитываю возможные пути отступления. Потому что поездка домой к нетрезвой однокласснице, как и ночевка непонятно где в мои планы не входит.

– Без понятия, Митина, – сообщая спокойно, двумя пальцами катая стакан по барной стойке и думая, что завтра надо пораньше встать и заскочить к Григоричу на тренировку.

– Да брось, вы же были не разлей вода, – Ольга пытается прильнуть щекой к моему плечу и разочарованно вздыхает, когда я сую ей в руки виски с колой и отодвигаю чужой стул на безопасное от себя расстояние.

– Ты б еще вспомнила, как мы в песочнице куличики лепили, – фыркаю равнодушно, удерживая бесстрастную маску на лице и не подавая вида, что от разговоров о бывшем друге противно царапает по ребрам.

– И Маринки нет, – от необходимости продолжать неприятную тему меня избавляет мобильный, мигнувший голубоватым светом и доставивший послание от Лизы.

«Саш, я взяла билет на самолет. Завтра».

Зная Истомину, врезающееся под дых сообщение может подразумевать любую локацию, начиная от Камчатки, заканчивая Гондурасом. Тем более, что я и сам не прочь свалить как минимум на неделю из города, чтобы разобраться с тем, что мы с Лизкой натворили.

«Куда?»

В ожидании Лизиного ответа время останавливается, убирая назойливую Митину и обсуждающих третью беременность Сидоровой одноклассников на второй план. Я одним махом опустошаю стакан с соком и напряженно гипнотизирую экран телефона, пытаюсь избавиться от липкой паутины волнения.

«Переезжаю в Москву. К отцу».

Я могу поклясться, что внутри у меня что-то хрустит и становится труднее дышать. И пока я борюсь с внутренними демонами, пальцы быстро выводят и отправляют сухое бездушное.

«Ок».

Молчание Истоминой вкупе с не затыкающейся Ольгой, решившей выложить все последние сплетни, напрягает, так что я по-английски сваливаю из бара. И, минуя подсвеченные огнями витрины магазинов, достаю из внутреннего кармана куртки пачку сигарет. Жадно затягиваюсь, глотая терпкий горьковатый дым, и не подозреваю, что Лиза сейчас сидит в темноте на кровати, еле сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, и до крови прикусывает нижнюю губу.

Утро я встречаю в боксерском клубе, ставшим для меня чуть ли не первым домом. Я неторопливо потягиваюсь, смахивая с себя остатки сна, и ныряю на ринг. Мое тело исправно выполняет отточенные до автоматизма движения, только с защитой сегодня полный швах. Мне никак не удается сосредоточиться и, когда в десятый раз прилетает лапой по затылку, Вронский останавливает бой.

– Разобранный весь Сашка! – сетует Григорич, пропуская меня вперед и прикрывая за нами дверь в тесную каморку, где хранятся многочисленные кубки и медали, заработанные его воспитанниками. – Где мыслями витаешь?

– Лиза уезжает, – выдавливаю нехотя и прислоняюсь спиной к шкафу с инвентарем, скрепящая на груди руки с взбугрившимися венами.

– Когда рейс? – вроде бы равнодушно осведомляется тренер, переставляя рамку с фотографией так, что теперь мне хорошо виден старый снимок, запечатлевший нас с Лизой после моей победы на городских соревнованиях.

– В двенадцать, – я нервно щелкаю костяшками, ощущая, как внутри сильнее сжимается невидимая глазу пружина, и нащупываю в кармане мобильник.

– И даже не проводишь девочку? – стоит только Вронскому вскинуть лохматую бровь и задать простой вопрос, как пружина с грохотом распрямляется, выталкивая меня из кабинета.

Спустя каких-то минут двадцать такси подъезжает к зданию аэропорта, и я на всех парах вваливаюсь в зал ожидания, пытаюсь отыскать хрупкую фигурку подруги. Одинокая, Елизавета стоит в самом центре, вцепившись тонкими пальцами в воротник свободного черного худи с большим капюшоном. Люди с негромкими ругательствами огибают застывшую на месте девушку и спешат дальше: кто за газетой с кроссвордами, кто за минералкой, а кто-то – в объятья близкого человека.

– Лиз, – я протискиваюсь сквозь толпу, задевая молодого человека в нелепой желтой фуражке, встаю напротив Истоминой, и рассматриваю свои ладони, не зная, куда их деть.

– Да? – отрывисто бросает девушка, поправив небольшую спортивную сумку, грозящую сползти с ее острого плеча и с глухим стуком удариться о пол.

– Теплые вещи взяла? Обещают похолодание, – брюнетка коротко кивает, крепко стиснув зубы, и хватается за горловину как будто сделавшейся ей тесной кофты. Ее губы белеют, а синева под глазами отчетливо выдает бессонную ночь, отчего совесть начинает грызть меня все сильнее. – Лиз, я не имею права тебя привязывать. Я никогда не смогу дать тебе то, что ты заслуживаешь. Понимаешь...

– Не надо, Саш! – Истомина резко меня обрывает, потрянув головой, и явно прощается с тлеющей надеждой, смаргивая застывшие на длинных пушистых ресницах слезы. Грустно, вымученно улыбается и еле слышно бормочет: – я понимаю.

Поставив точку в нашем разговоре, Лиза порывисто устремляется к багажной ленте, дрожащими пальцами цепляясь за ремень сумки, как за спасательный круг. Протягивает паспорт хмурой блондинке в форменной рубашке, и, возможно, еще верит в то, что я ее остановлю и не дам улететь.

Но я убежден, что Истоминой будет без меня лучше, поэтому упрямо молчу, плотно стиснув зубы. Несмотря на то что реальность острыми осколками впивается в бок, а каменное сердце начинает кровоточить.

Мой вечер заканчивается у входа в боксерский клуб, где я терпеливо жду, пока Вронский выйдет на крыльцо после тренировки. Мальчишки прощаются с тренером, неторопливо расходятся, и только после этого я достаю из сумки початую бутылку коньяка, неуверенно спрашивая.

– Выпьешь со мной, Григорич? – о негативном отношении тренера к спиртному знают все, поэтому я испытываю неловкость, мнусь и оправдываюсь: – правда, надо.

– Надо – значит, надо, – на удивление покладисто соглашается Вронский, по-отечески потрепав меня за щеку, и приглашает в свою старенькую белую волгу: – поехали ко мне.

Пьем мы одинаково, только я надираюсь после шестой рюмки и пускаюсь в бессвязное повествование о том, как Лизвета писала мне письма в армию. Я отключаюсь прямо за столом около двух ночи, и Григорич перетаскивает меня на диван в небольшую гостиную, заботливо накрыв уютным пледом в красно-коричневую клетку.

Так начинается моя жизнь без Лизы.

Глава 6

Лиза

*Ты и вправду ничего не знаешь о девушках.
Им нужно самое лучшее – или ничего.*

*(с) «Жена башмачника»,
Адриана Триджиани.*

Сколько раз я представляла этот день, когда после долгой разлуки столкнусь с Сашкой и продемонстрирую ему дорожное обручальное кольцо. Он обязательно задаст вопрос, вместо ответа на который я легкомысленно улыбнусь, беспечно передерну плечами и только потом пущусь описывать все достоинства своего избранника.

«Дура ты, Истомина», – думаю с грустью, пока Волков рассматривает что-то в большом окне высотой во всю стену.

«Что кому доказать хотела? Его задеть?» – и если еще пару дней назад я планировала триумфальное возвращение домой под звук фанфар, то сейчас ожидания растекаются отвратительной грязной кляксой, полоснув ножом по сердцу и ударив под дых.

От давящей тишины становится трудно дышать, ну а непроницаемая маска, застывшая на лице у резко развернувшегося ко мне Сашки, так и вовсе вгоняет в ступор. Недвусмысленно намекая, что хозяин фирмы вот-вот пожелает мне катиться колбаской по Малой Спасской. Или, чего хуже, жариться в аду в котле у чертей.

Однако то ли хваленая женская интуиция сбоят, то ли Волков надо мной потешается, потому что спустя пять минут моих душевных терзаний он широко улыбается и вполне дружелюбно интересуется.

– И кто этот счастливчик? – я окидываю Сашку долгим оценивающим взглядом и очень хочу найти в нем хоть что-то отдаленно напоминающее ревность, но собеседник расслабленно складывает подбородок на сцепленных в замок пальцах и спокойно на меня взирает.

– Алик Меньшов, – вопреки моим ожиданиям, известное имя ничего не значит для Александра, поэтому приходится уточнять: – тот самый продюсер.

– Серьезно? Он в столице, ты здесь? Странные у тебя представления о семейной жизни, Истомина, – мягкий бархатный голос насквозь пропитан скепсисом, который я, если уж быть до конца честной, полностью разделяю.

– Да, брось, Саш, два часа на самолете. Не дольше, чем с одного конца Москвы на другой, – я стараюсь казаться рассудительной, излагаю доводы и сама в них не верю, подтягивая колени к груди и пачкая пыльной подошвой балеток обивку дорогого кресла.

– А дорога в аэропорт? Регистрация? У него там кастинги, съемки, у тебя – ремонт, стройка, – Волков жестко меня перебивает и озвучивает не слишком приятные вещи, которые по идее должны обидеть нормальную влюбленную девушку.

Только вот ни я, ни мои отношения с Аликом никогда не были нормальными, поэтому я нагло изучаю пульсирующую жилку у Сашкиного виска и сосредоточенно облизываю обветренные по прилету губы.

– На самом деле, Алик не верит, что я настроена серьезно. Говорит, надоест тебе эта провинция, наиграешься и вернешься, – да, вся богема смотрела на меня как на умалишенную, а сестра Меньшова так и вовсе посоветовала первоклассного психиатра, однако меня переезд устраивал в полной мере, и менять принятое решение я не собираюсь.

– А ты?

– А я хочу, чтобы у меня все получилось здесь. Без папиных советов и связей, – сейчас, когда первое волнение от нашей встречи схлынуло, я могу смотреть на Сашу прямо. Не пряча глаза и не испытывая ощущения, что вернулась в те времена, когда мы только познакомились: мне было четырнадцать, и я совсем не умела врать.

– Значит, будем сотрудничать, Лиса-Алиса. Плодотворно и долго, – Волков улыбается краешком губ, ставя заковыристую размашистую подпись на белом листе. И подчеркнуто небрежно добавляет: – у нас ведь раньше это неплохо получалось.

И если я думала, что новизна ощущений истерлась, а неловкость осталась позади, то я сильно ошибалась. Кровь приливает к щекам, а из легких будто выкачали весь воздух. И я абсолютно не знаю, что говорить, как реагировать и как стереть дурацкий румянец с лица.

– Александр Владимирович, извините, – я рада тому, что могу не продолжать приобретающий опасные оттенки разговор, и почти готова расцеловать мнущуюся на пороге секретаршу, деловито докладывающую Саше: – там вас инспектор из пожарки заждался. И от пятой чашки кофе он отказался.

– Лиз, извини, проверка. Мы с тобой обязательно все детали обсудим позже.

– Не извиняйся, – с видимым облегчением я выпрыгиваю из кресла и машу ему на прощание, следуя за Митиной и ощущая знакомое электрическое покалывание в районе поясницы.

Кабинет остается далеко позади, лифт медленно и бесшумно спускается вниз, мысли путаются, эмоции переполняют и вновь просыпается зверский аппетит. Напекающий, что калорий во время нашей душевной беседы я сожгла не один десяток и было бы неплохо их восполнить. Т

ак что расположившийся на первом этаже ресторанный дворик подворачивается весьма кстати. С удобными маленькими столиками, плетеными креслами и небольшим фонтаном он так и манит затеряться здесь на часок-другой.

– Добрый день, определились с заказом? – стоит мне только оторваться от меню, как рядом появляется высокий и очень худой официант. Как две капли воды похожий на небезызвестного Антошку из советского мультфильма: непослушные густые рыжие волосы, россыпь веснушек и небольшая щербинка между передними зубами. А еще открытая заразительная улыбка, на которую невозможно не ответить.

– Зеленый чай с жасмином. Греческий. И два шарика клубничного мороженого, – я окончательно расслабляюсь, вытягиваю ноги и ерошу непривычно короткие волосы. Прикидывая, что бабулиной квартире не помешал бы ремонт, а мне – сон и загар.

И совершенно не подозреваю, что к обеду первого дня в Краснодаре уже успела обзавестись заклятым врагом в лице Анжелики. Лелеющей далеко идущие матримониальные планы на Александра и распознавшей во мне серьезную угрозу их воплощению.

Глава 7

Лиза

*Эти чувства из прошлого иногда ко мне
Возвращаются. Вместе с тогдашним
шумом дождя, тогдашним запахом ветра...*

(с) «Дэнс, дэнс, дэнс», Харуки Мураками.

Несмотря на долгое отсутствие в городе, я не горю желанием ворошить старые связи, сообщать знакомым о возвращении или организовывать встречу выпускников. Потому что будни в школе помнятся как эдакое подобие цирка уродцев, который одним оставил комплексы и паранойю, в других развил манию величия, ну а мне окончательно испортил и без того не ангельский характер.

Я неспешно иду по прогулочному проспекту, подставляю лицо мягким лучам осеннего солнца и радуюсь, что в кои-то веки не нужно никуда торопиться. Не нужно бежать с переговоров на склад, не нужно проводить планерку и можно посвятить день самой себе. Зайти в ближайший к дому гипермаркет, купить продуктов и приготовить пасту с морепродуктами. Или затеять уборку в квартире, где долгое время никто не жил. А можно и вовсе завалиться на диван с ведром попкорна и целый день залипать на мужественного Генри Кавилла в «Ведьмаке».

Стремление навести чистоту, в конечном итоге, все-таки побеждает лень, и я начинаю педантично избавляться от накопившейся пыли. Попутно любовно поглаживая корешки книг обширной бабулиной библиотеки и переставляя в сервант фигурки слонов, которых когда-то коллекционировал отец. Разных цветов и размеров, из дерева, оникса, фарфора, они смотрят на меня своими глазами-бусинами и словно обещают, что все обязательно будет хорошо.

Спустя полчаса я окончательно обретаю равновесие и недоумеваю, почему так всполошилась из-за Волкова. Да, он по-прежнему невероятно, чертовски притягателен, еще шире раздался в плечах и явно не брезгует спортзалом. Только к почти полным двадцати восьми годам мне давно пора научиться следовать доводам разума, а не идти на поводу у шалящих гормонов. Тем более, что Сашка уж точно не создан для семейной жизни.

Авгиевы конюшни вычищены, за окном темнеет, и мне почти удается убедить себя в том, что Волков ничем не выделяется среди сотен других мужчин. И озорная ямочка на левой щеке не дает ему перед ними никакого преимущества, а темно-карие с золотистыми крапинками глаза не обладают гипнотической способностью смотреть прямо в душу.

Я вытираю пот со лба и скатываюсь со стремянки, вслушиваясь в трель дверного звонка и не заботясь о внешнем виде. Наверное, Зинаида Петровна заскучала за просмотром русского сериала. Соседка по лестничной клетке была очень дружна с моей бабушкой, так что по приезде я не могла не заскочить в квартиру напротив и не порадовать пожилую женщину рассказами о столице и ее любимым «Наполеоном».

Я открываю дверь, да так и застываю на месте. Потому что на пороге стоит Сашка, и мне сразу же становится неловко и за растянутую темно-бирюзовую футболку, и за короткие домашние шорты, и за небрежно собранные в пучок волосы. Правда, он этого как будто не замечает, скользя взглядом по моему подбородку вниз.

– Ты забыла, – с договором в руках, он протискивается внутрь и сообщает с виноватой улыбкой: – а я проголодался. Собирайся.

Я сдаюсь без боя, потому что у меня нет ни единого шанса отказать Волкову, который всегда с легкостью очаровывал лиц женского пола. Начиная от капризной пятилетней сестры Глеба, заканчивая непримиримой бабушкой Полей из соседнего двора. Так что я останавливаю выбор на стильном черном платье с тонкими бретельками и глубоким треугольным вырезом. И быстро наношу естественный макияж, чуть тронув губы бежевым блеском.

Мы направляемся в тихое уютное место, где практически нет посетителей, и я эгоистично надеюсь не встретить здесь знакомых. Саша помогает мне снять куртку, придвигаясь чуть ближе, чем необходимо, и опалает мятным дыханием мою оголенную шею. Он не затягивает этот интимный момент и практически сразу отстраняется, только мои щеки все равно пылают, выдавая смущение с головой.

– Волков, завязывай. Я все твои уловки еще со школы знаю, – мягко журю его, опускаясь на отставленный для меня стул и не слышно выдыхаю, пока успокаивается ускорившийся чуть ли не в два раза пульс.

– Зачем? Тебе же нравилось, – он задает резонный вопрос, а я не успеваю на это ничего возразить, потому что за спиной раздается пронзительный визг, разбивающий наше уединение.

– Лизка? Истомина?! Ты что ли? – я нехотя оборачиваюсь, наблюдая за тем, как бывшая одноклассница, облаченная в униформу официантки, отлепляется от барной стойки и фланирует к нам с подносом.

– Здравствуй, Лена, – я приветствую Смолину нейтрально, пряча глубже глухое раздражение от воспоминаний о борьбе за место под солнцем, которые до сих пор свежи, как будто последний звонок был только вчера.

– Давно приехала? Почему не позвонила? – с энтузиазмом щебечет одноклассница, и я ей даже завидую: неужели забыла, как мы подрались на выпускном?

– Ночным рейсом, – лаконично сообщаю я и не нахожусь, что спросить в ответ. Мне совершенно не интересно, какой университет заканчивала Лена, сколько у нее детей и что заставило ее пойти работать в ресторан.

– Лизка! Тихушница! – заметив обручальное кольцо у меня на пальце, верещит на все кафе Смолина, а я морщусь от такой бестактности и ничего не могу поделать с грубым вторжением в мою личную жизнь. Слова липким комом застывают на языке, тем временем, Ленка продолжает мешать немногочисленным клиентам своими восторженными воплями. – Надо же, за Волковым пол Краснодара гонялось! И когда ты успела его захомутать?

– Лен, принеси нам водички, пока мы с заказом определимся, – сжалившись над моей злобно пыхтящей тушкой, вмешивается Волков и одним властным жестом отсылает Смолину. Вроде бы ни к кому не обращаясь, он констатирует: – Эта и мертвого в могиле достанет. Ну, рассказывай, как там Андрей Вениаминович.

– В порядке, – я с удовольствием меняю тему и начинаю повествовать о спокойных буднях отца. – С работой не переусердствует, свалил свои обязанности на управляющих. Второй раз не женился, но живет с женщиной. На выходных они ездят на дачу, нянчат внуков и выгуливают ретривера Рекса.

– Так что твой папа стал дедушкой.

– Целых три раза. Причем без моего в том участия, – залиvisto смеюсь я и пропускаю сквозь пальцы короткие темные пряди, потому что мне обязательно нужно занять чем-то руки. Вытираю выступившие на глаза слезы и перехожу на заговорщический шепот: – А еще Тамара каждое воскресенье печет для отца пирог с вишней, представляешь? Неважно, метель за окном или ураган, не имеет значения, как она себя чувствует, но в доме обязательно должен быть вишневый пирог. Потрясающая женщина.

– Потрясающая, – эхом откликается Волков и невольно сдирает верхний слой со все еще кровоточащих старых ран: – а мама как?

– Давай не будем о ней, – я обнимаю себя за плечи и, глядя в наполненные тревогой темно-карие глаза, признаюсь: – мы не общаемся.

И, поддавшись необъяснимому порыву, как на духу выкладываю, что она сменила номер четыре года назад и не сочла нужным об этом сообщить. А я очень переживала, звонила несколько раз на дню, все время натываясь на нейтральное «телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети, вы можете оставить свое сообщение».

И не сдавалась ровно до тех пор, пока случайно не наткнулась в фейсбуке на фотографию счастливой семьи, отдыхавшей на Майорке. На фоне океана в белоснежном купальнике стояла моя мать. С другим мужчиной. И с дочерью, которая, очевидно, была ей куда нужнее никчемной меня.

Закончив рассказ, я перевожу дыхание, а Саша судорожно сглатывает, отчего кадык держится на его атлетической бронзовой шее.

Глава 8

Лиза, 14 лет назад

Когда тебе восемь – весь мир против тебя.

Когда тебе тринадцать – ты против всего мира.

(с) к/ф «Сестры».

Пару недель назад мне исполнилось четырнадцать, я с гордостью получила бордовую книжку под названием «паспорт», и, видимо, жизнь решила, что я достаточно взрослая для ее дерьма.

Этот хмурый ноябрьский день ничем не отличается от вереницы таких же. Я сижу в своей комнате, качая ногой, и безуспешно бьюсь над системой уравнений. К слову, математика никогда не была моей сильной стороной. Около полудня с грохотом хлопает входная дверь, и я с удивлением вслушиваюсь в папин голос.

Обычно он не приходит домой на обед, потому что, во-первых, он очень загружен в своем офисе. Ну, а во-вторых, отношения родителей далеки от идеала. Когда-то приносявшие эйфорию походы в кино канули в лету, совместные ужины стали редкостью, а букет цветов отец приносил маме года так три назад.

– Вера! – басит отец на всю гостиную, а я подпрыгиваю в кресле и поджимаю под себя ноги. Становится неуютно от нехорошего предчувствия, стянувшего обручем грудь. – Ты ничего мне не хочешь объяснить?

Я не слышу, что отвечает мама, но мне необходимо это знать. Поэтому я откладываю тетрадь в сторону и на цыпочках выхожу в коридор. Прижимаюсь боком к стене и задерживаю дыхание, когда папа срывается на крик.

– Отвлекись ты от своего дурацкого сериала! – негодует он, хватая пульт и все-таки выигрывая у телевизора битву за внимание собственной супруги. – Почему у меня на работе каждый второй говорит, что жена изменяет Истомину?

Желваки на его скулах ходят, руки сжаты в кулаки, а я поддаюсь липкой панике и прекрасно понимаю, что мой иллюзорный мирок вот-вот рухнет.

– Потому что это правда, Андрей, – спокойно произносит мать и вручает отцу небольшую белую бумажку, при виде которой его брови изумленно ползут вверх. – Я развожусь с тобой.

– Повестка в суд? Seriously?

Пространство вокруг меня плывет, пазл никак не складывается, и я не могу осознать, что черное – это белое, белое – черное, а мы уже давно не любящая друг друга семья. Сейчас хочется кричать, бить посуду и совсем не хочется видеть никого из родных. Так что я возвращаюсь в комнату, накидываю толстовку с капюшоном, засовываю сиди-плеер в ее бездонный карман и опрометью скатываюсь по лестнице на первый этаж.

Папа что-то кричит мне вслед, но я не слушаю. Выбегаю на улицу и несусь вперед, не разбирая дороги. И едва ощущаю, что сверху падает мерзкий колючий мелкий дождь, пробирающий до костей.

Я бреду в никуда, глотаю соленые слезы вперемешку с водой и на всю громкость врубаю «Комиссара». Пробирающий до мурашек голос поет «А помнишь наш вечер и белый снег, ложился на плечи тебе и мне, шел первый и теплый снег декабря, тогда я не знал, какая ты дрянь», когда по узкому тротуару мимо пролетает парень.

Он цепляет меня своей огромной спортивной сумкой, я впечатываюсь ладонями в стеклянную витрину и, выплескивая всю злость на случившееся в доме родителей, кричу ему в

спину: «Придунок!». Он молча продолжает свой путь, я же спотыкаюсь, не замечая булыжника, и пропахиваю сантиметров тридцать асфальта. Еще больше раздирая дырявые модные джинсы и стесывая колени в кровь.

Я обиженно соплю, когда чужие пальцы осторожно прикасаются к подбородку, и совсем не могу разобрать черт чужого лица из-за плотной пелены слез. Вижу только темные карие глаза, лучащиеся неподдельной тревогой.

– Ну и зачем ты вернулся? – недовольно спрашиваю у сидящего передо мной на корточках широкоплечего брюнета, который игнорирует мой вопрос.

– Так ты девчонка, – недоуменно бурчит парень, когда капюшон падает мне на плечи и открывает длинные, ниже лопаток волосы. И пока я горько реву, не в состоянии объяснить, что причина вовсе не в саднящих коленях, он допытывается: – Сильно ударились? Болит?

Он представляется Сашей, подхватывает меня под мышки, ставит на ноги и тащит за собой. Потому что опаздывает на тренировку и не может бросить мокрую, грязную и грустную меня здесь, в луже. Так я оказываюсь перед обшарпанной коричневой с многочисленными выщерблинами дверью, которая ведет в полуподвальное помещение.

– Это боксерский клуб. Здесь я занимаюсь, – заметив мою растерянность, поясняет Саша и улыбается уголком рта, демонстрируя озорную ямочку на левой щеке, сражающую меня наповал. – Не бойся.

Как ни странно, я не боюсь. Совсем.

По необъяснимой, непонятной мне самой причине я доверяю новому знакомому и с легким сердцем спускаюсь за ним в оборудованный зал. Где места хватает впрыток для десяти упражняющихся парней в возрасте примерно от тринадцати до восемнадцати лет.

Конечно, мать непременно обозвала бы меня неосмотрительной дурой, если бы узнала, что я без лишних вопросов пошла непонятно куда с человеком, которого вижу в первый раз. Но ее возможные ахи и вздохи волнуют меня в последнюю очередь.

Волков! Где тебя черти носят? – отчитывает Сашу низкорослый коренастый мужичок со свистком на груди в копирующем известный «Адидас» темно-синем спортивном костюме с белыми полосами.

– Извини, Григорич! У меня тут по дороге... форс-мажор случился, – виновато разводит руками парень, ну а я вынырываю у него из-за спины и улыбаюсь той самой улыбкой, перед которой никогда не может устоять отец.

– Так вот она какая, причина твоего опоздания. Хорошенькая, – одобрительно качает головой мужчина и произносит куда мягче, пока его взгляд не опускается на мои испачканные джинсы. – Ты ее обидел?

– Григорич, ну ты чего! – искренне возмущается Саша и в неосознанном защитном жесте пытается задвинуть меня обратно.

– Да не съем я ее, марш переодеваться, – распоряжается тренер и провожает меня в крохотную каптерку в самом дальнем углу.

Где я могу привести себя в порядок: расчесать спутанные волосы, стереть салфеткой налипшую на штаны грязь и обработать ссадины врученной перекисью водорода. А заодно восхититься многочисленными кубками, теснящимися на простой деревянной полке.

– Будешь знать, как за нашим Александром бегать, – по возвращении нарочно подначивает меня Григорич, а я задыхаюсь от возмущения.

– Я не бегала! – сердито выпаливаю я и как-то забываю и про смущение, и про нещадно щипающие колени.

– Ну и хорошо. Пойдем на тренировку смотреть, – ласково трепет меня по голове Григорич, подталкивая ближе к рингу. – Как тебя зовут, горе луковое?

– Лиза. Истомина.

– Лизавета, значит, – будто на вкус пробует мое имя мужчина и представляется: – А я – Николай Григорьевич Вронский, но пацанва кричит Григоричем. Тебе тоже можно.

В этом зале все какое-то особенное: парни, несмотря на катящийся по их лицам и телам пот, выглядят счастливыми, да и я сама испытываю странное умиротворение, наблюдая за спаррингами.

– Глеб – талантливый малый, но импульсивный. Не лучшее качество для боксера, – комментирует Григорич, указывая на Сашкиного противника – высокого поджарого блондина, молниеносно перемещающегося по покрытию и уклоняющегося от резких ударов Волкова. – Они с твоим Александром почти как братья.

– Николай Григорьевич, – я молча глотаю последнюю реплику тренера и озвучиваю кажущуюся нелепой просьбу: – а можно я иногда буду к вам приходить? Тихонько посижу в сторонке, посмотрю, никому не помешаю...

Вронский без колебаний определяет, что причина кроется в семье, и выдает уверенное безапелляционное «да». Правда, поставив два условия: чтобы Саша провожал меня после тренировок и чтобы я его спортсменов сильно не отвлекала.

– Я в зале почти каждый день, кроме вторника и субботы, – рассказывает Волков, пока мы неторопливо идем по вечерним пустынным улицам.

– Спасибо, что не бросил, – я искренне благодарю нового приятеля, прислоняясь спиной к калитке, и отчаянно надеюсь, что это не последняя наша встреча.

– Не прощаемся, Лиса-Алиса, – крепко обнимает меня парень, и я чувствую, как в животе порхают те самые пресловутые бабочки из глупых книг о любви.

Я еще долго смотрю ему вслед, пока силуэт не растворяется в темноте, и ожидающий дома неминуемый скандал и нагоняй за порванные джинсы не представляется таким уж страшным.

Глава 9

Лиза

*Здравствуйте, мои до боли знакомые
грабли, давненько я на вас не наступал.*

(с) «Ключ из желтого металла», Макс Фрай.

Позади многочасовые переговоры с дизайнером, выматывающие поездки по магазинам со строительными материалами, непростой выбор цветовой гаммы и попытка объяснить Волкову, чем отличаются оттенки «карамель» и «шоколад с молоком».

Ну а впереди долгожданный, выстраданный выходной, который я планирую провести за просмотром «Мстителей». Нагло съесть ведерко мороженого, не краситься и не вылезать из домашней пижамы – трикотажных шорт и топа нежного персикового цвета.

– Как устроилась на новом месте, Лиз? – интересуется в трубку Алик, а у меня складывается впечатление, что за эту неделю он звонит чаще, чем за предыдущих два месяца.

– Все хорошо, – я ложусь на спину и закидываю ноги на стену, бездумно рассматривая потолок.

И как бы кто ни сомневался, мне уютно в этой небольшой старой квартире, сохранившей свое очарование и навевающей самые радостные воспоминания из детства. Вроде того, когда бабуля привезла мне из командировки модную заколку и коробку необычайно вкусных конфет в форме морских ракушек.

– Как продвигается проект? – и хоть голос Меньшова и звучит благожелательно и приветливо, подсознательно я ощущаю, что он мечтает, чтобы моя затея с треском провалилась и я поскорее вернулась в столицу.

– Черновые работы уже идут, нужно определиться с планировкой, – отчитываюсь бодро, не радуя жениха, и, спохватившись, спрашиваю: – твои как дела?

– Небольшие проблемы с новым фильмом, в остальном – порядок, – я отчетливо представляю, как он стоит на балконе, вертит в пальцах сигарету и все-таки подкуривает. Несмотря на данное себе и мне обещание избавиться от дурной привычки. И я хочу сделать ему замечание, но осекаюсь, потому что Алику удастся меня удивить: – я скачаю, Лиз...

В наших отношениях обычно нет места сентиментальности и подобным сантиментам, так что я чувствую себя сбитой с толку и не знаю, что сказать. Потому что не испытываю тоски ни по Москве, ни по Меньшову, ни даже по прекрасно справляющемуся без меня отцу. От необходимости давить из себя фальшивое признание меня избавляет звонок в дверь, пульсирующий волнением в груди.

– Прости, мне нужно идти. Позже споемся, – я резко обрываю разговор, подсакиваю с кровати и выхожу в коридор, накидывая на себя короткий шелковый халат.

Со скрипом проворачиваю ключ в замке, а сердце делает кульбит, потому что в отличие от меня оно уверено: за дверью не Зинаида Петровна и не ее неугомонная внучка Васька. И даже не провайдер интернета, которого я жду третий день, чтобы подключиться ко всемирной паутине.

– Лизка, привет, – и пока я пытаюсь понять, почему мой организм так реагирует на каждое его появление, Сашка заграбастывает меня в объятия и под недовольное бурчание тащит на кухню. Ставит на потертый от времени паркет, а сам взгромождается на шаткую колченогую табуретку. – Кофе хочу, умираю! Сделаешь?

Бормоча под нос о неисправимости некоторых индивидов, я достаю турку и припасенные с вечера молотые зерна. В чем в чем, а в гастрономических пристрастиях мы с Волковым весьма схожи. И по утрам я совершенно точно готова убивать, если мне вовремя не дали выпить чашечку крепкого двойного эспрессо.

– Истомина, а какие у тебя планы на сегодня? – Саша делает большой глоток, обжигается и усиленно дует на горячую жидкость, от которой исходит пар. И выглядит таким по-детски обиженным, что я едва успеваю замаскировать короткий смешок кашлем.

– А есть предложения? – неопределенно пожимаю плечами, не желая признаваться, что собиралась весь день залипать на задницы Капитана Америки и Тони Железного человека Старка.

– Есть одно, от которого ты точно не сможешь отказаться, – на самом деле, с Волковым я готова помчаться даже на какой-нибудь котлован за городом и там месить грязь, но ему об этом знать вовсе необязательно. Поэтому я старательно прячу энтузиазм и лишь заинтересованно вскидываю бровь.

– С этого момента чуть подробнее.

– К Григоричу поедешь? – Саша еще не успевает договорить, как я с победоносным кличем индейца несусь в спальню переодеваться. К Вронскому я не то что поеду, я полечу на край Земли, даже если товарища тренера угораздит забраться в тундру.

В общем, через каких-то полчаса мы заруливаем на парковку перед преобразившимся зданием клуба. Это больше не жалкое тесное полуподвальное помещение, теперь это полноценная спортивная школа, которая занимает целый этаж.

– Николай Григорьевич, здравствуйте! – я оглашаю звонким криком зал и на всех парах несусь к человеку, который стал наставником и для меня. Не замечая, что кудрявый двухметровый брюнет на ринге приостановил бой и теперь с любопытством поглядывает то на меня, то на Волкова. Я прижимаюсь к шершавой морщинистой щеке и честно, искренне выдыхаю: – я так соскучилась.

– Я тоже скучал, Лизавета, – Вронский целует меня в лоб и критично осматривает новую прическу. Морщится, страдальчески закатывает глаза и с укором в голосе спрашивает: – что за мода у молодежи пошла? Зачем кудри свои обстригла?

– Дура потому что, – повинно склоняю голову и стараюсь срочно переключить внимание грозного тренера на кого-нибудь другого. Например, на изображающего статую Аполлона брюнета, замершего на покрытии: – к соревнованиям готовитесь?

– Господи упаси, – Григорич очень натурально крестится и, смахивая со лба воображаемую испарину от испуга, поясняет: – этот обалдуй заскакивает иногда в гости.

Сопровождаемый моим хохотом и нелестными комментариями Вронского, парень с показушной легкостью перепрыгивает через канаты и направляется к нам. Играя мускулами на литом, в меру накаченном, тренированном теле.

– Филатов Иван, – брюнет протягивает мне ладонь для рукопожатия, но я не успеваю ему ответить из-за того, что Саша на полпути перехватывает мое запястье и резко дергает к себе так, что я впечатываюсь в его грудь.

– Младший брат Глеба, – хмуро уточняет Волков, и я осекаюсь. Запал поскандалить исчезает сразу, как будто горящие угли залили водой, а руки сами собой обвиваются вокруг Сашиной талии. Потому что желание поддержать его с годами никуда не делось.

– Двоюродный брат, – поправляет Волкова Иван и, наклонившись, доверительно сообщает: – и я тоже от него не в большом восторге.

Глава 10

Лиза

*Может, все мужчины – наркотик?
Иногда от них начинается депрессия,
а иногда, как сейчас, от них вырастают крылья.*

(с) к/ф «Секс в большом городе».

– И, кстати, я к вашим теркам не имею никакого отношения. Я вообще в Питере в военке чалился, когда у вас все случилось, – беззлобно сообщает Филатов и неторопливо стаскивает футболку, чтобы вытереть ею пот со лба. Хмурится, не дожидаясь от меня комплимента в адрес шести идеальных кубиков его пресса, и подначивает напряженного Сашку: – но, если тебе так сильно хочется выпустить пар, добрый Иванушка всегда к твоим услугам.

– Решил взять реванш за прошлый... десяток поражений? Или сколько их там было? – с усмешкой возвращает собеседнику подачу Волков и бездумно поглаживает мою спину под аккомпанемент звучного зубовного скрежета. А я едва удерживаюсь от вопроса, не мешаю ли я им двоим.

– Почему бы и нет? – снова цепляет ослепительную улыбку Ванька и пытается втянуть меня в их противостояние: – особенно если принцесса пообещает поцелуй победителю!

В этот момент сказать самодовольному брюнету хочется много. И то, что он охренел и губозакаточную машинку я ему организую по распродаже. И что его полуголая тушка меня совсем не впечатляет, слюни не текут, и желание записаться в клуб его фанатов спит беспробудным сном. Под конец моя фантазия и вовсе доходит до запрещенной расчлененки, от подробного описания которой парней спасает Григорич.

– Так, орлы, – гаркает он командным тоном и, выживая меня из крепких Сашкиных объятий, едко добавляет: – мериться пиписьками можете сколько угодно, только Лизавету не вешивайте. Что встали? Марш на ринг, а мы чай пить. С крекерами.

Новый кабинет Бронского совсем не похож на старую пыльную каптерку: мебель добротная, дубовый письменный стол, удобное кожаное кресло и широкое окно на пол стены. Одна полочка с кубками осталась неизменной, правда, наград сейчас как будто вдвое больше.

– Как дела ваши, Николай Григорич? Как дочка, внуки? – и пока наставник кипятил воду и засыпает черный чай с травами в пухлый заварочник, я натыкаюсь на наше с Сашкой фото. Все-таки старик невероятно постоянен в своих привязанностях.

– Так переехали в Москву давно уже. Навещают раз в год, звонят иногда, – поддавшись затапливающей изнутри волне из обиды и нежности, я подскакиваю со стула и, мазнув губами по щеке тренера, начинаю хлопотать вместе с ним. Протираю полотенцем фарфоровые чашки, насыпаю печенье в пиалу и даже складываю из салфеток розу, в то время как Бронский меня успокаивает: – все нормально, Лизок. У меня здесь своя семья, спортивная. Ребята не бросают, с клубом помогли, ремонт сделали. Саня каждую неделю заскакивает, не обижает старика.

В общем, к чаепитию мы приступаем минут через десять, когда по комнате ползет дурманящий аромат из душицы, шалфея и мяты, а из зала доносится странный звон. Мы обмениваемся понимающими взглядами с Григоричем, и я без зазрения совести нацеливаюсь на акациевый мед – все-таки Волков уже большой мальчик, сам справится. А если не справится, медицинский кабинет – третья слева дверь по коридору.

– Замужем? – вроде бы невзначай спрашивает Вронский, а я застываю с ложкой на полпути. Нет, еще неделя, и от этого вопроса я точно начну покрываться аллергической сыпью и громко, беспрестанно чихать.

– Помолвлена, – бесцветно роняю я и ничего не поясняю.

Знаю, что тренер вряд ли оценит мой рациональный прагматичный выбор.

– А Сашка так никого и не нашел после тебя, – ни на что не намекая, произносит Григорич, а у меня все равно внутренности скручивает тугой спиралью. – Много их всяких рядом с ним вертелось, только не выбрал никого.

– Почему? – выпаливаю я раньше, чем успеваю себя остановить, и утыкаюсь глазами в полированную поверхность. Разбираю бумажную розочку, комкаю салфеточное полотно пальцами и не нахожу успокоения.

Вопросы роем теснятся в голове. Неужели все это время Волков обо мне не забывал? Он что-то ко мне чувствует? Но почему тогда не приехал, не позвонил, не забрал? Я не успеваю ни получить ответ, ни как следует расспросить Вронского, потому что в кабинет заходит Сашка. Останавливается позади моего стула, наклонившись, утыкается подбородком в плечо и со свистом втягивает ноздрями воздух.

– А ты Лизе парк наш показал? – как ни в чем не бывало интересуется Григорич, с причмокиванием прихлебывая свой фирменный чай, от которого в восторге была даже строгий директор спортшколы. И щурится, словно наевшийся сметаны кот, с хрустом надкусывая круглый соленый крекер.

– Не успел, но мы это исправим, – обещает Волков, обдавая мою шею горячим мятным дыханием, отчего начинает покалывать даже ступни, обутые в модные серебряные кроссовки на высокой танкетке. – Там как раз зону новую открывают, я приглашен. Совместим приятное с полезным.

Саша хаотичным движением ерошит мои волосы, а я в буквальном смысле слова ощущаю, как контроль над собственной жизнью утекает сквозь пальцы. Волков принимает решения за меня, а я и обидеться на него не могу. Потому что очень хочу посмотреть на местную достопримечательность, которую хвалят даже вернувшиеся из Краснодара москвичи, а еще потому, что искренне желаю проводить больше времени с другом детства. Как бы плохо меня ни характеризовал сей факт.

Александр подвигает стул и плюхается рядом, задевая мою ногу коленом, отчего мысли улетучиваются, превращая меня в растекшуюся ванильную лужицу. Я теряю нить разговора, поддаваясь искрящему между нами электричеству, и замечаю реализовавшегося в кабинете Филатова только после насмешливого покашливания и нагло брошенного.

– А утешительный поцелуй проигравшему будет? – под глазом у парня наливаются внушительный лиловый фингал, но и это его не останавливает.

– Иванушка, ты же вроде не дурачок, – я беспечно полирую ногти о полы удлиненного светло-коричневого пиджака и, выразительно вскинув бровь, советую: – высунь голову из пасти льва и больше туда ее не засовывай.

– Да шучу я, шучу, – примирительно вскидывает руки вверх брюнет и опускается пятой точкой прямо на стопку журналов на краю стола. Отхлебывает чая из тренерской кружки и демонстрирует ангельскую улыбку пай-мальчика: – намек понял.

– Мало тебе Волков накостылял, – бурчит себе под нос Григорич, освобождая печатную продукцию из вражеского плена, и под мой непрекращающийся хохот отвешивает зазевавшегося Филатова легкий воспитательный подзатыльник.

Мы уезжаем из клуба уже затемно. На душе благодать и умиротворение, в салоне Сашиной бээмве пахнет морем и хвоей, отчего совсем не сложно представить, что ты где-то на побережье. Сидишь у кромки воды, зарывшись пальцами ног в теплый песок, и ешь шоколадное

эскимо на палочке, как в детстве. Пожалуй, проведу следующий отпуск на нашем черноморском курорте.

– До завтра. Заеду за тобой в двенадцать, – автомобиль притормаживает перед подъездом, а Саша осторожно заправляет мне за ухо упавшую на лицо прядь волос.

Я прилипаю взглядом к его губам и понимаю, что все больше подсаживаюсь на низкий хриловатый шепот, на терпкий древесный аромат его парфюма и на выпуклые вены на его мускулистых руках.

– До завтра, – нестройным эхом откликаюсь я и выбираюсь из машины, вынужденная напоминать себе, что в Москве у Лизы Истоминой остался жених.

Глава 11

Лиза

*Соперница – это дрянь, которая
хочет того же, что и ты.*

(с) Диля Еникеева.

– Ариш, как там Вика? Вливается? – я перебираю блестящую ткань платья и откладываю его в сторону: не хочу выглядеть, будто наряженная елка. Критично инспектирую гардероб и останавливаю выбор на простых черных слаксах и тонком темно-бордовом джемпере – несмотря на середину ноября, солнце еще греет вовсю.

– Все отлично, Елизавета Андреевна. Смирнова исполнительная и ответственная, отличница все-таки, – и пока я одним ухом придерживаю мобильный и навожу марафет, на том конце провода происходит что-то невообразимое. Воспитанная Риша выдает забористое ругательство, от которого мои начальственные уши сворачиваются в трубочку, и выгоняет кого-то из кабинета. После чего устало выдыхает и не перестает меня удивлять: – Алик в пятницу заезжал, интересовался, как часто мы с вами созваниваемся и какие цветы вы любите.

На миг карандаш застывает в моей руке, потому что я стою перед зеркалом, словно оглушенная пыльным мешком по голове. Уверена, если начать рисовать стрелку прямо сейчас, она выйдет такая же кривая, как кардиограмма моего отца.

Пожалуй, глубину чувств, а может, заинтересованность Меньшова в собственной персоне я сильно недооценила.

– Спасибо, что предупредила, солнце. Не забывай спать, мир от этого не рухнет, – считаю необходимым напомнить, учитывая маниакальное трудолюбие некоторых помощниц, и отключаюсь, бросив короткое: – на связи.

Я очерчиваю рубиново-красным карандашом контур губ и остаюсь довольна получившимся результатом – из отражения на меня смотрит уверенная в себе молодая женщина. Наносу пару капель цитрусовых духов на запястье и ровно в двенадцать спускаюсь вниз: терпеть не могу заставлять себя ждать.

К счастью, Саша тоже отличается пунктуальностью, а еще отличным вкусом.

Его белоснежная рубашка идеально отутюжена, а классические черные брюки как нельзя лучше подчеркивают узкие крепкие бедра. И я даю себе слово не пялиться на Волкова, но все равно пялюсь, пока во рту не становится сухо и вся слюна не исчезает, будто по волшебству.

Саша ловко маневрирует в автомобильном потоке, параллельно умудряясь вникать в условия нового контракта, которые озвучивает по громкой связи сухой безликий голос штатной юристки. Я же за долгое время позволяю себе расслабиться и побыть приглашенной на мероприятие спутницей Волкова.

Хочу гулять по широким аллеям парка, пить вкусный кофе, заедая его малюсенькими канапе, и не думать о насущных «надо-срочно-вчера».

– Добрый день, Александр Владимирович, можно задать пару вопросов? – миниатюрная шатенка в черном костюме-двойке первой подсакивает к Сашкиной бээмве, стоит нам только припарковаться.

Однако Волков осторожно оттесняет ее в сторону вежливым «все комментарии после открытия» и мягко, но настойчиво подталкивает меня вперед. Я же несказанно радуюсь, что блестящий наряд остался висеть в шкафу. Потому что роль сверкающей гирлянды сегодня по

праву принадлежит дочке главы, чье платье едва прикрывает середину бедра, а сотни пайеток неприятно слепят глаза.

Анжелика демонстрирует убийственный взгляд вкупе с фунтом презрения и устремляется вперед, убедившись, что Сашина ладонь намертво приклеилась к моей пояснице и никуда не собирается исчезать.

Блондинка воинственно цокает по серой тротуарной плитке каблуками своих ярко-синих «Версаче», которые бы куда больше подошли красной ковровой дорожке, в то время как я подозреваю, что это только начало холодной войны.

– Пап, знакомься, это Елизавета Истомина, – меня представляют сухощавому невысокому мужчине с волнистой каштановой шевелюрой, который похож на дочь примерно так же, как павиан на дельфина. И я не знаю, почему это нелепое сравнение вертится на моем неугомонном языке.

– Невеста московского продюсера? – и без того не большие черные глаза сужаются, сканируя каждую деталь моего столичного образа и формируя неутешительный вердикт, пока меня подмывает спросить, насколько подробное досье положили Юрию Германовичу на стол. И не слишком ли возмущает главу тот факт, что в пятом классе я разбила окно в школе, а на втором курсе участвовала в несанкционированном митинге в поддержку вымирающих уссурийских тигров.

– Совладелица «Альянс групп», – уточняет Александр, нагло перемещая пальцы мне на живот, и придвигает ближе к себе под дружное недовольное сопение семьи Калугиных. Видимо, его от слова «невеста» плющит не меньше, чем меня от вопроса про замужество.

В кольце Сашкиных рук я чувствую себя уверенно, примерно, как ведьмак с броней сотого уровня. Поэтому позволяю себе много улыбаться, черно шутить и игнорировать аквамариновые линзы, мечущие в меня отравленные кинжалы.

Мне, по большому счету, абсолютно все равно, что думает и Анжелика, и ее высокопоставленный папаша, и прибывшая на подмогу мадам из департамента архитектуры. С высокой взбитой прической, очень похожей на ту, что носила в девяностых мама.

После недолгих поисков мы обнаруживаем новую скульптуру в форме большой капли. «Геолокация» сияет нержавеющей сталью в лучах солнца, изображая панораму окружающей ее местности, а мы терпеливо выстраиваемся для группового фото.

Приветственная речь Калугина выходит какой-то не очень приветственной, ножницы для торжественного разрезания алой ленты забыли на заднем сидении министерского авто, и только мы с Волковым выглядим по-идиотски счастливыми на фоне этой унылой чиновничьей массы.

– Потерпи еще пять минут, и я угощу тебя самым вкусным десертом в мире, – наклонившись, шепчет мне на ухо Саша, заставляя губы расплыться в еще более ослепительной улыбке.

И я совершенно точно не имею ничего против того, чтобы улизнуть с неофициальной части мероприятия по-английски. И как показывают дальнейшие события, совершенно не зря. Потому что халявное шампанское и бутербродики не идут ни в какое сравнение с божественным тирамису, которое добыл Волков.

– В качестве компенсации за эти кислые физиономии готов самолично приготовить отбивные в гранатовом соусе, – смеется Сашка, облизывая перепачканные в маскарпоне и какао пальцы, а я понимаю, что готова продать душу дьяволу за то, чтобы этот момент длился вечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.